

Из-за моря, моря синего,
Из-за тех же гор из-за высоких,
Из-за тех же лесов темных,
Из-за той же сторонушки восточныя
Не темная туча поднималася –
С силой Мамай соряжается
На тот же на красен Киев-град
И хочет красен Киев в полон взять.
И брал он себе силы много-множество -
Сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей,
И за всяким визирем по сту тысячей,
Да брал своего зятя любимого,
Своего Василия Прекрасного,
И брал за ним силы войска триста тысячей,
А за самим за собой войска счету не было.
И не матушка ли орда подымалася,
Мать сыра земля от войска потрясалася;
В конном топище красного солнца не видать было,
А светлый месяц от пару конского померкнул весь, -
Заметно было в городе во Киеве.
Дошла до Мамая славушка немалая,
Будто в том же городе во Киеве
Будто не стало Ильи Муромца,
Будто все сильные богатыри
Во чисто поле разъехались.
И подходила сила Мамаева

Ко тому же ко чисту полю,
Ко тому ли раздольицу широкому.
Не дошедши они до города до Киева в двухстах верстах,
Развернули шатры белополотняные,
Разостали они войском в лагере,
И поставили они кругом войска стражу строгую.
И говорил тут Мамай таково слово:
«Уж ты гой еси, любимый зять Василий Прекрасный!
Ты садись-ка, Василий, на ременчат стул
И пиши-тко, дитятко, ты ярлыки скорописные,
Не на бумаге пиши, не пером, не чернилами,
А пиши-тко-ся ты на красном бархате,
Ты печатай-ка заголовья красным золотом,
А по самой середке чистым серебром,
А уж мы высадим, подпишем скатным жемчугом,
А на углах-то посадим по камню самоцветному,
Чтобы тем камням цены не было;
А пиши ты на бархате не ласково,
Со угрозами пиши с великими,
Пиши, не давай сроку ни на время ни на малое»,
И писал тут ярлыки любимый зять.
И говорил тут любимый зять таково слово:
«Уж ты гой еси, батюшка Мамай, строгий царь!
Мы кого пошлем посла во Киев-град?»
Говорил Мамай таково слово:
«Уж ты гой еси, любимый зять!
Тебе-ка ехать во красен Киев-град,

А самому остаться в белополотняном шатре
Со своим войском с любимым».
Садился тут Василий на добра коня,
Поехал Василий во Киев-град,
Не дорогой ехал, не воротами,
Через стены скакал городовые,
Мимо башенки те наугольные,
Подъезжает ко двору ко княжескому,
И соскакивал с добра коня удалой,
Заходил же он на красно крыльцо,
Заходил же он во светлу гридню,
И подходил он к столам дубовым
И клал ярлыки те скорописчатые.
И подходил тут Владимир стольнокиевский
И брал ярлыки скорописчатые.
Как в ту пору да во то время
Не ясен сокол да подымается,
А приехал старьи во Киев-град;
Забегает старый на красно крыльцо,
Заходит старый во светлу гридню,
А Владимир стольнокиевский
Горючими слезами уливается;
Не подымаются у его белы руки,
Не глядят у его очи ясные;
Говорил же он тут таково слово:
«Ты бери-тко-ся, старый, ярлыки скорописчатые,
Ты читай-ка их скоро-наскоро –

И что в ярлыках тех написано,
И что на бархате напечатано».
И начал старый читать скоро-наскоро,
Сам читал, а головушкой поматывал,
Даже горючи слезы покатились.
И вслух читал, все слышали,
А что же в ярлыках написано,
И сроку в ярлыках не дано:
«Не спущу из Киева ни старого, ни малого,
А самого Владимира будут тянуть очи косицами,
А язык-то теменем, – с живого кожу драть буду;
А княгинюшку Апраксию возьму за Василия
Прекрасного».

Тогда говорил стар казак таково слово:
«Уж ты гой еси, посланник, строгий царь!
Уж ты дай-ка-ся мне сроку на три года».

– «А не дам я вам сроку на три года».

– «А дай-ка ты нам хошь на два года». -

«А не дам я вам сроку на два года». -

«Дайте сроку хошь на полгода,

А бессрочных и на земле нету».

Давает Василий сроку на полгода,
И угощать стали Василия Прекрасного
Зеленым вином, пивом пьяным,
Пивом пьяным, медом сладким,
И начали дарить золотой казной:
Подарили один кубчик чиста золота,

А другой-от подарили скатна жемчуга,
Да дарили еще червонцей хороших,
Дарили еще соболями сибирскими,
Да еще дарили кречетами заморскими,
Да еще дарили блюдами однозолотными,
Да бархатом дарили красным.

Принимал Василий подарки великие
И вез к Мамаю в белополотняный шатер.

Во ту пору, во то времечко
Пошел старый по Киеву-граду,
Нашел дружинишку хорошую,
Того ли Потанюшку Хроменького;
Писал ярлыки скорописчатые
Ко своим ко братьям ко названным:
Во первых-то, к Самсону Колувану,
Во вторых-то, к Дунаю Ивановичу,
Во третьих-то, к Василию Касимерову,
Во четвертых-то, к Михайлушке Игнатьеву с
племянником,
Во пятых-то, к Потокну Ивановичу,
Во шестых-то, к Добрынюшке Никитичу,
Во семых-то, к Алеше Поповичу,
В восьмых-то, к двум братьям Иванам,
Да еще к двум братьям, двум Суздальцам.
Поехал Потанюшка во чисто поле,
Собрал всех удалых добрых молодцев,
Русских могучих всех богатырей.

Не ясны соколы солеталися,
Не славны добры молодцы соезжалися,
Ко тому ли Владимиру собиралися
И почали думу думати, совет советовать,
И начал старый у них спрашивати:
«Уж вы, удалы добры молодцы!
Постоим-ка мы за веру христианскую
И за те же за храмы за Божие,
И за те же честные монастыри,
И своею мы кровью горячею,
И поедем мы в далече чисто поле на рать – силу
великую,
Поедем мы все, покаемся.
А и ты, Владимир стольнокиевский,
Ты пошли-ко нам да во чисто поле
Сорок возов хлеба белого,
Да сорок сороков зелена вина,
Да сорок возов хлеба черного.
Уж как мы живы приедем из рать – силы великия,
Тогда вздумаю позабавиться,
И тогда, не дошедши, моим ребятам низко кланяйся,
А не приедем из того побоища Мамаева, -
Похорони наши тела мертвые
И помяни русских богатырей,
И пройдет славушка про нас немалая».
Садилась добры молодцы на добрых коней,
Поехали добры молодцы во чисто поле,

И расставили они шатры белополотняные,
Гуляли они трои суточки,
А на четвертые сутки протрезвились,
И начали они думу думати, совет советовати,
И стал старый у них спрашивати:
«Уж вы гой еси, сильные русские богатыри!
Кому же из вас съездить в рать – силу великую,
Ко тому же Мамаю богатому,
Посмотреть войско изрядное, -
Со которой стороны начинать нам будет?» -
«На волю мы даем тебе,
Кого пошлешь в рать – силу великую».
И на то старому слово понравилось.
«Еще Самсона послать, – силой силен, да
неповоротливый.
Потеряет он у Мамаю буйну голову;
А если Дуная послать, – Дунай он задорливый,
Позадорится заехать во рать – силу великую;
Есть во рати три переката глубоких,
А наставлены в перекатах копьа вострые:
Во-первых, он потеряет добра коня,
А во-вторых, потеряет буйну голову;
Не приехать ко мне Дунаю с весточкой.
Если Добрыню мне послать,
Добрыня все не высмотрит,
И не узнать Добрыне силы Мамаевой;
Если Василия послать, – не сосчитает он силу,

И не пересмотрит ее со краю на край,
Потеряет Василий буйну голову долой;
Больше мне послать и некого.
Будет мне-ко, старому, самому идти.
Вы гуляйте-ко суточки теперь первые,
И гуляйте вы други сутки,
На третьи сутки соряжайтесь
И к ратному делу поезжайте, -
Как зазвенит палица боевая,
И зачивкает моя сабля вострая,
И затрублю я во турий рог,
И во середку в силу не ездите,
А рубите силу со краю на край,
И не оставляйте силы ни старого, ни малого,
И никого не оставляйте Мамаю на семья».
И все стали удалы добры молодцы на резвы ноги,
И поклонились все низко старому.
И поехал стар во рать – силу великую,
И пробивался старый до бела шатра до Мамаева,
Соскакивал тут старьи со добра коня,
И заходил старый во шатер белополотняный;
Идет старый казак, низко не кланяется.
Увидал тут Мамай в шатре человека странного,
Говорил же Мамай таково слово:
«Уж ты гой еси, Личарда, слуга верная!
И зачем ты ходишь, и что тебе надобно,
И откуль ты идешь, и откуль путь держишь,

Из Киева идешь али из Чернигова?» -

«Иду же я из города из Киева». -

«А и что же ноне во Киеве-то деется,
Не знаешь ли ты то, добрый молодец,
И не слыхал ли ты да про старого?
Расскажи-ка ты мне, какой он ростом
И сколь широк он плечьми?»

Отвечает тут калика переходная:

«Уж ты гой еси, Мамай, богатый царь!

Довольно видел я Илью Муромца.

Ты гляди на его всё равно как на меня же,
Ростом он умеренный, в плечах не широк был,
Лицо у него постное, пиво пьет он по стаканчику,
А вино-то пьет он всего по рюмочке,
А закусывает да по калачику.
У старого-то бородушка сивая,
Сивая бородушка да красивая».

А и тут Мамай да прирасхонулся:

«Напрасно же шла славушка великая про старого,
От востоку шла и до запада,
До той орды до великой,
До меня ли, Мамай грозного;

Лучше меньше гонить бы силы-войска.
Еще есть-ка при мне Рославней Рославнеевич, -
Приготовь-ка для него говядины – быка зараз,
А зелена вина – пивной котел;
А промеж глаз у него калена стрела,

А промеж плечами две сажени печатных».
Ответ держит тут старый казак:
«Ты, безумный богатый царь!
Как у нас-то во городе во Киеве
Собирался у князя Владимира почестен пир,
А была у Владимира собака обжорлива,
По подстолью собака водилася,
Костью та собака подавилася,
Тут собаке и смерть пришла
Не уехать тебе, Мамай, от города от Киева,
Срубит у тебя стар казак буйну голову».
Тут Мамаю за беду стало,
За великую досаду показалось,
И хватил-то Мамай чинжалище – вострый нож,
И шиб в старого вострым ножом,
А на то старый увертлив был, ухватку знал,
И ухватил старый вострый нож в белы руки,
И обратил старыи вострый нож,
И заколол старый Мамай, и срубил ему буйну голову,
И разбил палачей много множество,
И добрался до своего добра коня.
Скоро старый на коня вскочил,
И затрубил старый во турий рог,
И сомутились у старого очи ясные,
И разгорелось у старого ретиво сердце;
Не увидел старый свету белого,
Не узнал старый ночи темные,

И расходились у него плечи могучие,
И размахнулись руки белые,
И засвистела у него палица боевая,
И зачивкала его сабелька вострая,
И наехали удалы добры молодцы,
Те же во поле быки кормленные,
Те же сильные могучие богатыри,
И начали силу рубить со краю на край,
Не оставляли они ни старого, ни малого,
И рубили они силу сутки пятеро,
И не оставили они ни единого на семена,
И протекала тут кровь горячая,
И пар шел от трупья по облака.
Оставались только во лагерях у старого
Два брата – два Суздальца,
Чтобы встретить с приезде богатырей кому быть.
Не утерпели тут два брата Суздальца
И поехали во ту рать – силу великую.
А и приехал тут стар казак со другом,
А встретить-то у лагерей и некому.
И ехали от рать – силы великия
Те два брата, два Суздальца, и сами они похваляются:
«Кабы была теперь сила небесная,
И все бы мы побили ею по полю».
Вдруг от их слова сделалось чудо великое:
Восстала сила Мамаева, и стало силы больше впятеро,
И приехали они ко старому

И ко тем дружинушкам хоробрым,
И начали они рассказывать,
Что мы ехали дорогой, похвалялися,
И восстало силы впятеро.
И сами им во всем повинилися.
Тут поехала дружинушка хоробрая
Во ту рать – силу великую,
И начали бить с краю на край,
И рубили они сутки шестеро,
А встават силы больше прежнего.
Узнал старый пред собой вину,
И покаялся старый Спасу Пречистому:
«Ты прости нас в первой вине,
За те же слова глупые,
За тех же братьев Суздальцей».
И повалилась тут сила кроволитная,
И начали копать мать сыру землю
И хоронить тело да во сыру землю,
И протекала река кровью горячею.
Садилась тут удалы на добрых коней,
Поехали удалы ко городу ко Киеву,
Заехали они в красен Киев-град,
Во те же во честны монастыри,
Во те же пещеры во Киевски;
Там все они и преставились.
Тут старому славу поют.